

Б. Т. Ягловский

**Военная реформа 1924 — 1925 годов
и современность**

В годы перестройки и постперестроечный период военно-промышленный комплекс (ВПК) страны характеризовался прежде всего как гигантская обуза для экономики, как милитаристский «монстр», пожирающий ее ресурсы.

Затем обвальная конверсия и дикая приватизация нанесли катастрофический удар по ВПК. По существу, утрачены как вид вооруженных сил войска противовоздушной обороны (около 40% воздушных границ России не прикрываются войсками ПВО). За последние годы военно-воздушные силы лишились трети своего самолетного парка. Тяжелый период переживают военно-космические войска — войска XXI века (из 15-ти программ сегодня заморожены 14). В плачевном состоянии находится военно-морской флот. Его корабельный

состав сократился в 2 раза. В крайне тяжелых условиях несут службу пограничники [1]. Сегодня уже в открытую говорят о профессиональной дисквалификации армии [2].

Эти и другие вопросы, связанные с военным строительством, широко обсуждаются, дискутируются в среде военных, специалистов, государственных руководителей, тем более, что существует уникальная и неповторимая возможность создания в Европе совершенно нового типа «пространства безопасности», позволяющего не только минимизировать военные приготовления, но и делать это как бы на глазах друг друга. Данное обстоятельство придает спорам и дискуссиям особую остроту и значимость.

Но дело в том, что хотя военная реформа и идет (спонтанно и волонтаристски) в стране с 1993 года, однако она проходит в условиях устаревшей военной доктрины. Президент страны Б. Н. Ельцин 7 мая 1997 года одобрил концепцию национальной безопасности России — базисного концептуального документа, на основе которого предстоит разработать и, наконец, принять военную доктрину, а также доктрины экономической, финансовой, социальной, продовольственной, информационной, экологической безопасности.

Поэтому, на мой взгляд, неплохо было бы оглянуться назад, заглянуть в историю военного строительства в стране, обратиться к опыту наиболее значительных реформ в этой области и изучить его. При всей несопоставимости эпох и условности исторических аналогий этот опыт, думается, представляет не только познавательный интерес. Достаточно вспомнить, что столь необычный способ военного строительства убедительно показал и доказал свою эффективность в исходе гражданской войны и разгроме иностранной интервенции.

В первой половине 20-х годов политическая и экономическая системы, весь уклад жизни советского народа подверглись решительным преобразованиям. Естественно, что при этом происходили крупные перемены и в военной области. Шла массовая демобилизация Красной Армии, и в то же время вырабатывались теоретически и проверялись практикой соответствовавшие новой военно-полити-

ческой обстановке формы и способы военного строительства.

Комплекс решений и мер, именуемый в современной военно-исторической литературе военной реформой 1924-1925 годов, был, по сути, главным и завершающим актом первой перестройки Вооруженных Сил республики. Как обеспечить безопасность страны (при этом, в перспективе, большевики были постоянно настроены на томительное ожидание мировой социалистической революции, думали о мировом социалистическом доме и т. д.), как и на каких принципах строить вооруженные силы, каковы их функции и задачи? Такие вопросы широко обсуждались на IX (1920), X (1921), XI (1922) и XII (1923) съездах партии, на пленумах ЦК партии, а также на IX Всероссийском съезде Советов (1921) и III съезде Советов (1925). По тем же вопросам и в армии шли жаркие споры и дискуссии [3].

Исходной платформой для обсуждения служили решения VIII и IX съездов съездов РКП (б), где указывалось, что на ближайший исторический период одной из программных задач будет переход от армии регулярной к территориально-милиционной, осуществляющей обучение трудящихся военному делу с наименьшим отрывом от производительного труда так, чтобы живая человеческая сила определенных хозяйственных районов являлась в то же время человеческой силой определенных воинских частей [4].

Никто не отрицал того, что переход к территориально-милиционной системе целесообразен, но высказывались самые различные суждения о способах и темпах такого перехода. Отдельные военные работники партии предлагали буквально в течение нескольких месяцев полностью демобилизовать Красную Армию, заменив ее воинскими формированиями милиционного типа.

Реформы в армии начались с ее сокращением и демобилизацией военнотружущих. Однако демобилизация многомиллионной (5,5 млн.) армии существенно осложнялась тем, что в начале 20-х годов на Дальнем Востоке, в Средней Азии, Закавказье еще продолжались военные действия. Кроме того, некоторые воинские части и соединения были вре-

менно преобразованы в «трудовые армии» и участвовали в работах по восстановлению транспорта, промышленных предприятий и других важных народнохозяйственных и оборонных объектов. К тому же разруха на транспорте и острая нехватка топлива исключали возможность осуществить в какие-либо ограниченные сроки доставку миллионов демобилизуемых красноармейцев в районы их постоянного проживания.

Несмотря на все трудности, армия к ноябрю 1922 года была сокращена до 800 тысяч [5]. В таком количестве она обеспечивала, хотя и с большим напряжением, безопасность страны в условиях мира. (В настоящее время в стране постоянно идет сокращение Вооруженных сил России, но пока неизвестен — или держится в секрете — тот уровень в количественном отношении, который необходим для оборонительной достаточности. В Великобритании на 50 млн. жителей армия определена в 336 тысяч, в США соответственно 240 млн. и 1 млн. военнослужащих; у нас на апрель 1995 года в Вооруженных силах насчитывалось — без внутренних войск — 1,5 млн. солдат и офицеров) [6].

Красная Армия в таком составе обеспечивала, хотя и с большим напряжением, безопасность страны в условиях мира. Но она уже была не в состоянии готовить в необходимом объеме стратегические резервы, поскольку в имевшихся тогда кадровых частях (даже при минимальном — два года — сроке службы) пройти курс армейского обучения и воспитания могли только 30 процентов контингента военнообязанных [7]. Нужно было найти такие формы военного строительства, которые позволили бы без больших материальных затрат дать военные знания и навыки молодежи, подлежащей призыву в армию. Эта трудная задача в целом была решена в ходе введения в стране кадрового и территориально-смешанного устройства армии.

Сложный и болезненный процесс демобилизации, расформирования и переформирования, реорганизации, массовых перемещений кадров, изменения районов дислокации и т. д. длился три года. Одновременно и в тесной связи с демобилизацией разворачивалась ра-

бота по формированию территориально-милиционных частей и соединений. Сначала в порядке эксперимента летом 1921 года в Петрограде сформировали стрелковую территориально-милиционную бригаду. Затем, убедившись в целесообразности такой формы военного строительства, в 1923 году петроградскую бригаду и девять кадровых стрелковых дивизий в разных регионах страны переформировали в территориально-милиционные дивизии [8].

Уже к концу 1925 года из 77 стрелковых дивизий 46 были территориально-милиционными [9]. Кадровыми оставались стрелковые дивизии, дислоцированные в приграничных военных округах, большинство кавалерийских соединений, военно-морские, военно-воздушные силы и технические войска.

Территориальные формирования дислоцировались во внутренних военных округах преимущественно в экономически развитых регионах с достаточно высокой плотностью населения.

Все кадровые соединения и части комплектовались по экстерриториальному принципу: службу в них рядовые красноармейцы и краснофлотцы проходили непрерывно, два, три или четыре года (в зависимости от рода войск), после чего на остальное время действительной службы увольнялись в долгосрочный отпуск, а затем — в запас. Из состоявших в кадрах армии командиров, политработников и технических специалистов комплектовались также органы управления, технические подразделения и органы снабжения территориальных войск. Основную же часть — переменный состав территориальных формирований — составляли призванные в армию военнообязанные, проживающие в данном районе. Они проходили боевую и политическую подготовку в своих подразделениях и частях три месяца в первый год службы и один-два месяца в последующие четыре года, а все время между учебными сборами жили дома и занимались мирным трудом.

Благотворные тесные контакты и связи местных органов власти и населения с войсками Красной Армии были сокращены до минимума на рубеже 20-х и 30-х годов. Делалось это под предлогом необходимости повысить

революционную бдительность, но фактически же для того, чтобы изолировать массы красноармейцев от правдивой информации о протестах крестьянства против принудительной сплошной коллективизации и «раскулачивания» середняков.

Одним из самых сложных в социально-политическом отношении вопросов реформы 1924-1925 годов был вопрос о национальных воинских формированиях. Впервые он был поставлен на XII съезде партии (1923) в связи с образованием СССР.

Отметим сразу, что курс на развертывание национальных воинских формирований решающим образом обусловили политические соображения: партия претворяла в жизнь положения своей программы о предоставлении всем народам равных прав во всех областях государственного строительства, в том числе и в области военной. Национальные войска фактически использовались прежде всего как важный канал политического воспитания, как эффективный рычаг подъема образовательного и культурного уровня народов, как своеобразное «учебное заведение» для подготовки национальных кадров.

Без особых затруднений и довольно быстро (к началу 1925) национальные полки и дивизии были сформированы на Украине, в Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджане; то есть там, где уже имелись необходимые политические и социально-экономические предпосылки и условия. Но вскоре там стали проявляться элементы национализма, местничества и сепаратизма. Насколько опасны такие тенденции, показал еще опыт гражданской войны. Тогда, в начале 1919 года, из добровольческих частей и соединений были сформированы две украинские, литовско-белорусская, латвийская и эстонская армии, татарские, башкирские и калмыцкие национальные формирования (дивизии, бригады, полки, отряды, батальоны, дивизионы, эскадроны), полки из ингушей, чеченцев, осетин и других горских народов [10]. А уже в феврале того же года Председатель ВЦИК, секретарь ЦК РКП (б) Я. М. Свердлов писал в этой связи в одной из записок: «Порою жутко делается от волны самостийности, катящейся и с Украи-

ны, и с Латвии, и с Эстляндии, и с Белорусии...» [11].

С этими явлениями было чрезвычайно трудно бороться обычными воспитательными и агитационно-пропагандистскими методами. Нужны были другие меры. В марте 1924 года ЦК РКП (б) и Совнарком СССР приняли постановление о преобразовании национальных частей и соединений в экстерриториальные регулярные полки и дивизии.

В ходе военной реформы 1924-1925 годов глубоким преобразованиям подверглись также органы управления, методы работы которых были унаследованы в значительной мере от старой армии. Прежде всего — на 75 процентов! — сокращалась бумажная отчетность. Штаты центральных органов военного ведомства уже в 1924 году уменьшились почти на четверть, военно-окружных — на треть, на 40 процентов — аппарат органов снабжения [12].

И все же основное содержание перестройки органов военного управления составляло совершенствование их структуры, повышение квалификации и смелое омоложение кадров, а отнюдь не механическое сокращение численности аппарата. В целом же военная реформа 1924-1925 годов дала возможность до крайнего предела уменьшить расходы на содержание Вооруженных Сил страны, сохраняя их боеспособность.

При всем своеобразии исторической обстановки и причин, обусловивших цели и методы военной реформы 1924-1925 годов, опыт ее проведения остается во многом поучительным и сегодня, несмотря на особенности ядерной эпохи. Это касается и претворения в жизнь принципа разумной достаточности вооруженных сил для обороны, и повышения качества вооруженных сил при значительном сокращении их количества, и решения вопросов трудоустройства жилищных и других социально-экономических и социально-бытовых проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подробнее см.: Правда. 1996. 28 июня — 5 июля.
2. См.: Северный край. 1997. 11 февраля.

3. См.: Северный край. 1997. 5 июня.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 2. С. 265.
5. Липицкий С. Военная реформа 1924-1925 годов // Коммунист. 1990. № 4. С. 105.
6. Северный край. 1995. 25 апреля.
7. Липицкий С. Указ. соч. С. 104.
8. Там же.
9. Там же.
10. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 389.
11. Свердлов Я. М. Избранные произведения в 3-х т. Т. 3. М., 1960. С. 171.
12. Липицкий С. Указ. соч. С. 104.